

ВЫШЕ
СТРОПИЛА,
ПЛОТНИКИ
СИМОР-ВВЕДЕНИЕ

Дж. Д. СЭЛИНДЖЕР

Джером Дэвид Сэлинджер

Выше стропила, плотники.

Симор – введение

«ФТМ»
«ЭКСМО»
1955, 1959

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Сэлинджер Д.

Выше стропила, плотники. Симор – введение / Д. Сэлинджер —
«ФТМ», «Эксмо», 1955,1959

ISBN 978-5-04-101325-7

«Выше стропила, плотники» – цитата из «Эпиталамы», свадебной песни древнегреческой поэтессы Сапфо. В день свадьбы главного героя, Симора Гласса, его сестра написала обмылком на зеркале ванной: «Выше стропила, плотники! Входит жених, подобный Арею, выше самых высоких мужей». Симор Гласс – старший из семи братьев и сестер. Для тех, кто с ним мало знаком, это странный, неуравновешенный человек. И только близкие знают другого Симора – философа, поэта, человека глубокого и тонко чувствующего. Повесть проникнута духом дзен-буддизма и нонконформизма и очень многое дает для понимания Сэлинджера – одного из самых значительных писателей XX века.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-101325-7

© Сэлинджер Д., 1955,1959

© ФТМ, 1955,1959

© Эксмо, 1955,1959

Содержание

Выше стропила, плотники	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дж. Д. Сэлинджер
Выше стропила, плотники.
Симор – введение

J. D. Salinger

RAISE HIGH THE ROOF BEAM, CARPENTERS

SEYMOUR – AN INTRODUCTION

RAISE HIGH THE ROOF BEAM, CARPENTERS and SEYMOUR – AN
INTRODUCTION by J.D. Salinger.

Copyright © 1955, 1959 by J.D. Salinger,

RENEWED 1983, 1987 by J.D. Salinger

Russian language rights arranged with the J.D. Salinger Literary Trust through the Andrew
Nurnberg Literary Agency, Moscow, Russia.

© Р. Райт-Ковалева, перевод на русский язык. Наследники, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Выше стропила, плотники

Лет двадцать тому назад, когда в громадной нашей семье вспыхнула эпидемия свинки, мою младшую сестренку Фрэнни вместе с колясочкой перенесли однажды вечером в комнату, где я жил со старшим братом Симором и где предположительно микробы не водились. Мне было пятнадцать, Симору – семнадцать.

Часа в два ночи я проснулся от плача нашей новой жилицы. Минуту я лежал, прислушиваясь к крику, но соблюдая полный нейтралитет, а потом услышал – вернее, почувствовал, что рядом на кровати зашевелился Симор. В то время на ночном столике между нашими кроватями лежал электрический фонарик – на всякий пожарный случай, хотя, насколько мне помнится, никаких таких случаев не бывало. Симор щелкнул фонариком и встал.

– Мама сказала – бутылочка на плите, – объяснил я ему.

– А я только недавно ее кормил, – сказал Симор, – она сыта.

В темноте он подошел к стеллажу с книгами и медленно стал шарить лучом фонарика по полкам.

Я сел.

– Что ты там делаешь? – спросил я.

– Подумал, может, почитать ей что-нибудь, – сказал Симор и снял с полки книгу.

– Слушай, балда, ей же всего десять месяцев! – сказал я.

– Знаю, – сказал Симор, – но уши-то у них есть. Они все слышат.

В ту ночь при свете фонарика Симор прочел Фрэнни свой любимый рассказ – то была даосская легенда. И до сих пор Фрэнни клянется, будто помнит, как Симор ей читал:

«Князь Му, повелитель Цзинь, сказал Бо Лэ: «Ты обременен годами. Может ли кто-нибудь из твоей семьи служить мне и выбирать лошадей вместо тебя?» Бо Лэ отвечал: «Хорошую лошадь можно узнать по ее виду и движениям. Но несравненный скакун – тот, что не касается праха и не оставляет следа, – это нечто таинственное и неуловимое, неосязаемое, как утренний туман. Таланты моих сыновей не достигают высшей ступени: они могут отличить хорошую лошадь, посмотрев на нее, но узнать несравненного скакуна они не могут. Однако есть у меня друг по имени Цзю Фангао, торговец хворостом и овощами, – он не хуже меня знает толк в лошадях. Призови его к себе».

Князь так и сделал. Вскоре он послал Цзю Фангао на поиски коня. Спустя три месяца тот вернулся и доложил, что лошадь найдена. «Она теперь в Шаю», – добавил он. «А какая это лошадь?» – спросил князь. «Гнедая кобыла», – был ответ. Но когда послали за лошадью, оказалось, что это черный как ворон жеребец.

Князь в неудовольствии вызвал к себе Бо Лэ.

– Друг твой, которому я поручил найти коня, совсем осрамился. Он не в силах отличить жеребца от кобылы! Что он понимает в лошадях, если даже масть назвать не сумел?

Бо Лэ вздохнул с глубоким облегчением.

– Неужели он и вправду достиг этого? – воскликнул он. – Тогда он стоит десяти тысяч таких, как я. Я не осмелюсь сравнить себя с ним. Ибо Гао проникает в строение духа. Постигая сущность, он забывает несущественные черты; прозревая внутренние достоинства, он теряет представление о внешнем. Он умеет видеть то, что нужно видеть, и не замечать ненужного. Он смотрит туда, куда следует смотреть, и пренебрегает тем, на что смотреть не стоит. Мудрость Гао столь велика, что он мог бы судить и о более важных вещах, чем достоинства лошадей.

И когда привели коня, оказалось, что он поистине не имеет себе равных».

Я привел этот отрывок не только потому, что я всегда неизменно и настойчиво рекомендую родителям и старшим братьям десятимесячных младенцев чтение хорошей прозы как

успокоительное средство, но и по совершенно другой причине. Сейчас вы прочтете рассказ об одной свадьбе, которая состоялась в 1942 году. По моему мнению, это вполне законченный рассказ – в нем есть свое начало, свой конец и даже предчувствие смерти. Так как мне известны дальнейшие факты, считаю себя обязанным сообщить, что сейчас, в 1955 году, жениха уже нет в живых. Он покончил с собой в 1948 году, когда отдыхал с женой во Флориде... Но главным образом мне хочется сказать вот что: с тех пор как жених навсегда сошел со сцены, я не нахожу ни одного человека, которому я мог бы вместо него доверить поиски скакуна.

В мае 1942 года мы все семеро – потомство Леса и Бесси (урожденной Галлахер) Гласс, бывших комических актеров странствующей труппы, – были, говоря пышным слогом, разбросаны во все концы Соединенных Штатов. Например, я, второй по старшинству, лежал в военном госпитале в Форт-Беннинге, штат Джорджия, с плевритом – памяткой трехмесячного обучения пехотной премудрости. Близнецы Уолт и Уэйкер разлучились еще год назад. Уэйкера посадили в лагерь отказчиков в Мэриленде, а Уолт воевал на Тихом океане или направлялся туда с частями полевой артиллерии. (Мы никогда точно не знали, где находится Уолт. Писать письма он не любил, а после его смерти мы очень мало, почти что ничего, о нем не узнали. Он погиб по нелепейшей случайности в Японии в 1945 году.)

Моя старшая сестра Бу-Бу (хронологически она приходится между мной и близнецами) служила мичманом в женских морских вспомогательных частях на военно-морской базе в Бруклине. Всю весну и лето того года сестра прожила в маленькой нью-йоркской квартирке, которая все еще числилась за мной и Симором после призыва в армию. Двое младших ребят, Зуи (мальчик) и Фрэнни (девочка), жили с нашими родителями в Лос-Анджелесе, где отец выискивал талантливых актеров для киностудии. Зуи было тринадцать, а Фрэнни – восемь. Каждую неделю они оба выступали по радио в детской передаче вопросов и ответов под типичным для американского радио ироническим названием «Умный ребенок». Пожалуй, здесь надо сказать, что почти все время – вернее, из года в год – все дети нашей семьи выступали в качестве платных «гостей» в программе «Умный ребенок».

Мы с Симором выступали первыми – в 1927 году, когда ему было десять, а мне – восемь, и «вещали» мы из гостиной старого отеля «Марри-хилл». Мы все семеро, начиная с Симора и кончая Фрэнни, выступали под псевдонимами.

Может быть, это покажется в высшей степени противоречивым: ведь мы как-никак дети эстрадных актеров, людей, ни в коей мере не пренебрегающих рекламой, но моя мать однажды прочла в журнале статью о том, какой крест вынуждены нести маленькие профессионалы, как они изолированы от обыкновенных детей, чье общество, очевидно, весьма для них полезно, – и она с железной непоколебимостью поставила на своем и ни разу, ни одного-единственного разу не отступила. (Здесь совсем не место разбираться, нужно ли объявить вне закона всех или большинство детей-«профессионалов», окружить их жалостью или без всяких сантиментов просто изничтожить как нарушителей общественного спокойствия. Замечу только, что наш общий заработок в программе «Умный ребенок» дал шестерым из нас возможность окончить колледж, да и седьмой учится на те же средства.)

Наш старший брат Симор – а о нем главным образом здесь и пойдет речь – служил капра-лом в войсках, которые тогда, в 1942 году, еще назывались Военно-воздушные силы. Жил он на базе бомбардировщиков «Б-17» в Калифорнии – насколько мне известно, он исполнял обязанности ротного писаря. Добавлю мимоходом, хотя это и важно, что из всех нас он меньше всего любил писать письма. Кажется, за всю жизнь он мне не написал и пяти писем.

В то утро, двадцать второго, а может быть, двадцать третьего мая (наша семья никогда не ставила числа на письмах), мне положили в ноги, на койку военного госпиталя в Форт-Беннинге, письмо от моей сестры Бу-Бу – в это время мне стягивали диафрагму липким пластырем (это мероприятие медики обычно проделывают над больными плевритом – по-видимому,

для того, чтобы они не рассыпались на кусочки от кашля). Когда прекратили это мучение, я прочел письмо Бу-Бу. Оно сохранилось, и я привожу его дословно:

Милый Бадди!

Собираюсь в дорогу и страшно тороплюсь, поэтому пишу тебе кратко, но внушительно. Адмирал Щипозад решил, что ему для победы над врагами необходимо уехать к черту на рога в неизвестном направлении и взять с собой свою секретаршу (если я буду вести себя хорошо). Я страшно расстроена. Не говоря уже о Симоре, придется мерзнуть в палатках, выносить глупые приставания наших доблестных бойцов и травить на самолете в эти гнусные бумажные мешки. Но главное вот что: Симор женится – понимаешь, женится! – так что, прошу тебя, отнесись к этому внимательно. Я приехать не могу. Уезжаю неизвестно на сколько, от полутора до двух месяцев. Невесту я видела. По-моему, она пустое место, но хороша собой необычайно. Конечно, я не знаю, такое ли она ничтожество, как мне показалось. Она и двух слов не сказала в тот вечер. Сидит, улыбается, курит, так что, может быть, я к ней несправедлива. Об их романе ничего не знаю, кажется, они познакомились прошлой зимой, когда часть Симора была расквартирована в Монмауте. Но мамаша у нее – дальше ехать некуда: ковыряется во всех искусствах и дважды в неделю ходит к известному психоаналитику, ученику Юнга; в тот вечер, когда мы познакомились, она два раза спросила меня, подвергалась ли я психоанализу. Сказала, что ей хотелось бы, чтобы Симор был больше похож на других людей. Но тут же заявила, что он все-таки ей ужасно нравится и так далее, и тому подобное, и что она благоговейно слушала его все годы, когда он выступал по радио. Вот все, что я о них знаю, но самое главное – тебе непременно надо быть на свадьбе. Я тебе никогда не прошу, если не поедешь, честное слово! Маме и папе приехать с побережья никак нельзя. Кроме всего, у Фрэнни корь. Кстати, слыхал ли ты ее по радио на прошлой неделе? Она долго и красиво рассказывала, как она в четыре с половиной года летала по своей квартире, когда никого не было дома. Новый комментатор куда хуже Гранта, пожалуй, он даже хуже тогдашнего Салливена, если только можно быть хуже. Он сказал, что ей, наверное, приснилось, как она летала. Но наша кроха с ангельским терпением стояла на своем. Она сказала – нет, она знает точно, что умеет летать, потому что, когда она спускалась, пальцы у нее всегда были в пыли от электрических лампочек. Ужасно хочу ее видеть. И тебя тоже. Во всяком случае, на свадьбу ты должен попасть непременно. Дезертируй, если надо, только поезжай, очень тебя прошу. Свадьба в три часа, четвертого июня. Очень светская и современная, на квартире у ее бабушки, на Шестьдесят третьей улице. Венчают их какой-то судья. Номера дома не помню, но это через два дома от той квартиры, где Карл и Эми утопали в роскоши и богатстве. Уолту дам телеграмму, но, кажется, его транспорт уже ушел. Пожалуйста, поезжай туда, Бадди! Он похож на замороженного котенка, лицо восторженное, говорить с ним немыслимо. Может быть, все обойдется, но я ненавижу сорок второй год и, должно быть, буду из принципа ненавидеть до самой смерти. Целую тебя крепко, увидимся, когда вернусь.

Бу-Бу.

Дня через три после получения письма меня выписали из госпиталя, выдав, так сказать, на поруки трем метрам липкого пластыря, обхватившего мои ребра. Потом началась напряженнейшая недельная кампания – надо было получить отпуск на свадьбу. Наконец я добился

своего путем настойчивого заискивания перед командиром роты, человеком, по его собственному определению, книжным, чей любимый писатель, к счастью, оказался и моим любимцем: это был некий Л. Меннинг Вайнс. Нет, кажется, Хайндс. Но, несмотря на столь прочные духовные узы, связывавшие нас, я добился всего лишь трехдневного отпуска, то есть в лучшем случае времени хватало только на то, чтобы доехать поездом до Нью-Йорка, побыть на свадьбе, наспех где-то пообедать и вернуться в Джорджию в поту и в мыле.

В «сидячих» вагонах поездов сорок второго года вентиляция, насколько помнится, была чисто условная, все было битком набито военной охраной, пахло апельсиновым соком, молоком и скверным виски. Всю ночь я прокашлялся, сидя над комиксом, который кто-то дал мне почитать из жалости. Когда поезд подошел к Нью-Йорку в десять минут третьего, в день свадьбы, я был весь искашлявшийся, измученный, потный и мятый, кожа под липким пластырем зверски зудела. Жара в Нью-Йорке стояла неопишная. Зайти на квартиру было некогда, и свой багаж, состоявший из весьма неприглядного парусинового саквояжика на «молнии», я оставил в стальном шкафчике на Пенсильванском вокзале. И как нарочно, в ту минуту, как я брел мимо магазинов готового платья, ища такси, младший лейтенант службы связи, которому я, очевидно, забыл отдать честь, переходя Седьмую авеню, вдруг вынул самописку и под любопытными взглядами кучки прохожих записал мою фамилию, номер части и адрес.

В такси я совсем размяк. Водителю я дал указание довезти меня хотя бы до дома, где когда-то «утопали в роскоши» Карл и Эми. Но, когда мы доехали до этого квартала, все оказалось очень просто. Надо было только идти вслед за толпой. Там был даже полотняный балдахин. Через несколько минут я вошел в огромный старый каменный дом, где меня встретила очень красивая дама с бледно-лиловыми волосами, которая спросила, чей я знакомый – жениха или невесты. Я сказал – жениха.

– О-о, – сказала она, – знаете, тут у нас все перемешалось.

Она засмеялась слишком громко и указала на складной стул – последний свободный стул в огромной, переполненной до отказа гостиной.

В моей памяти за тринадцать лет произошло полное затмение – подробностей, касающихся этой комнаты, я не помню. Кроме того, что она была битком набита и что было невыносимо жарко, я припоминаю только две детали: орган играл прямо за моей спиной, а женщина, сидевшая справа, обернулась ко мне и восторженным театральным шепотом сказала: «*Я Элен Силсберн!*» По расположению наших мест я понял, что это не мать невесты, но на всякий случай я заулыбался и закивал изо всех сил и уже собрался было представиться ей, но она церемонно приложила палец к губам, и мы оба посмотрели вперед. Было приблизительно три часа. Я закрыл глаза и стал несколько настороженно ждать, пока органист не перестанет играть разные разности и не загремит свадебным маршем из «Лозэнгина».

Я не очень ясно представляю себе, как прошел следующий час с четвертью, кроме того важного факта, что марш из «Лозэнгина» так и не загремел. Помню, что какие-то незнакомые люди то и дело оборачивались отовсюду, чтобы взглянуть исподтишка, кто это так кашляет. И помню, что женщина справа еще раз заговорила со мной тем же несколько приподнятым шепотом.

– Очевидно, какая-то задержка, – сказала она. – Вы когда-нибудь видели судью Ренкера? У него лицо *святого!*

Помню, как органная музыка неожиданно и даже в каком-то отчаянии вдруг перешла с Баха на раннего Роджерса и Харта. Но главным образом я как бы сочувственно стоял над собственной больничной койкой, жалея себя за то, что приходилось подавлять припадки кашля. Все время, пока я сидел в этой гостиной, изредка мелькала трусливая мысль, что, несмотря на корсет из липкого пластыря, у меня хлынет горлом кровь или вот-вот лопнет ребро.

В двадцать минут пятого, или, грубо говоря, через двадцать минут после того, как последняя надежда исчезла, невенчанная невеста, опустив голову, неверным шагом под двусторонним конвоем родителей проследовала вниз по длинной каменной лестнице на улицу. Там, словно передавая с рук на руки, ее наконец поместили в первую из лакированных черных машин, ожидавших двойными рядами у тротуара. Момент был чрезвычайно живописный – настоящая иллюстрация из журнала, – и, как полагается на таких иллюстрациях, в нее попало положенное число свидетелей: свадебные гости (в том числе и я), хотя и пытаюсь соблюдать приличия, уже стали толпами высыпать из дому и жадно, чтобы не сказать – выпучив глаза, уставились на невесту. И если что-то хоть немного смягчило картину, то благодарить за это надо было погоду. Июньское солнце палило и жгло с беспощадностью тысячи фотовспышек, так что лицо невесты, в полуобмороке спускавшейся с каменной лестницы, плыло в каком-то мареве, а это было весьма кстати.

Когда свадебный экипаж, так сказать, физически исчез со сцены, выжидательное напряжение на тротуаре – особенно под самым полотняным балдахином, где околачивался и я, – превратилось в обычную толчею, и если бы этот дом был церковью, а день – воскресеньем, можно было подумать, что просто прихожане, толпясь, расходятся после службы. Внезапно с подчеркнутой настойчивостью стали передавать якобы от имени невестиного дяди Эла, что машины поступают в *распоряжение* гостей, даже если прием не состоится и планы изменятся. Судя по реакции окружавших меня людей, это было принято как «beau geste»¹. Но при этом было сказано, что машины поступят «в распоряжение» только после того, как внушительный отряд весьма почтенных людей, называемых «ближайшие родственники невесты», будет вполне обеспечен всем транспортом, который окажется необходимым, чтобы и они могли сойти со сцены. И после несколько непонятной, как мне показалось, толкотни (во время которой меня зажали как в тиски и приковали к месту) вдруг действительно начался исход «ближайших родственников»: они размещались по шесть-семь человек в машине, хотя иногда садились и по трое и по четверо. Зависело это, как я понял, от возраста, поведения и ширины бедер первого, кто садился в машину.

Вдруг по чьему-то указанию, брошенному вскользь, но весьма четко, я очутился у обочины, около самого балдахина, и стал подсаживать гостей в машины.

Не мешало бы поразмыслить, почему на эту ответственную должность выбрали именно меня. Насколько я понял, неизвестный пожилой деятель, распорядившийся мною таким образом, не имел ни малейшего понятия о том, что я брат жениха. Поэтому логика подсказывает, что выбрали меня по другим, гораздо менее лирическим причинам. Шел сорок второй год. Мне было двадцать три года, я только что попал в армию. Убежден, что лишь мой возраст, военная форма и тускло-защитная аура несомненной услужливости, исходившая от меня, рассеяли все сомнения в моей полной пригодности для роли швейцара.

Но я был не только двадцатитрехлетним юнцом, но и сильно отстал для своих лет. Помню, что, подсаживая людей в машины, я не проявлял даже самой элементарной ловкости. Напротив, я проделывал это с какой-то притворной школьнической старательностью, создавая видимость выполнения важного долга. Честно говоря, я уже через несколько минут отлично понял, что приходится иметь дело с поколением гораздо более старшим, хорошо упитанным и низкорослым, и моя роль поддерживателя под локоток и закрывателя дверей свелась к чисто показным проявлениям дутой мощи. Я вел себя как исключительно светский, полный обаяния юный великан, одержимый кашлем.

Но страшная духота, мягко говоря, угнетала меня, и никакая награда за мои старания не маячила впереди. И хотя толпа «ближайших родственников» едва только начинала редеть, я вдруг втиснулся в одну из свежезагруженных машин, уже трогавшуюся со стоянки. При этом

¹ Широкий жест (*фр.*).

я с громким стуком (как видно, в наказание) ударился головой о крышу. Среди пассажиров машины оказалась та самая шептунья, Элен Силсберн, которая тут же стала выражать мне свое неограниченное сочувствие. Грохот удара, очевидно, разнесся по всей машине. Но в двадцать три года я принадлежал к тому сорту молодых людей, которые, претерпев на людях любое увечье, кроме разбитого черепа, издают лишь глухой, нечеловеческий смехок.

Машина пошла на запад и словно въехала прямо в раскаленную печь предзакатного неба. Так она проехала два квартала, до Мэдисон-авеню, и резко повернула на север. Мне казалось, что только необычайная ловкость какого-то безвестного, но опытного водителя спасла нас от гибели в раскаленном солнечном горне.

Первые четыре или пять кварталов по Мэдисон-авеню на север мы проехали под обычный обмен фразами вроде: «Я вас не очень стесняю?» или: «Никогда в жизни не видала такой жары!» Дама, никогда в жизни не выдававшая такой жары, оказалась, как я подслушал, еще стоя у обочины, невестинной подружкой. Это была мощная особа лет двадцати четырех или пяти, в розовом шелковом платье, с венком искусственных незабудок на голове. В ней явно чувствовалось нечто атлетическое, словно год или два назад она сдала экзамен в колледже на инструктора по физическому воспитанию. Даже букет гардений, лежавший у нее на коленях, походил на опавший волейбольный мяч. Она сидела сзади, зажата между своим мужем и крошечным старичком во фраке и цилиндре, с незажженной гаванской сигарой светлого табака в руке. Миссис Силсберн и я, непорочно касаясь друг друга коленями, занимали откидные места. Дважды без всякого предлога, просто из чистого восхищения, я оглядывался на крошечного старичка. В ту первую минуту, когда я только начал загружать машину и открыл перед ним дверцу, у меня мелькнуло желание подхватить его на руки и осторожно всадить через открытое окошко. Он был такой маленький, ростом никак не больше четырех футов и девяностидесяти дюймов, и, однако, не казался ни карликом, ни лилипутом. В машине он сидел прямо и весьма сурово глядел вперед. Обернувшись во второй раз, я заметил, что у него на лацкане фрака было пятно, очень похожее на застарелые следы жирного соуса. Заметил я также, что его цилиндр не доходил до крыши машины дюйма на четыре, а то и на все пять... Однако в первые минуты нашей поездки меня больше всего интересовало состояние собственного моего здоровья. Кроме плеврита и шишки на голове, меня донимало пессимистическое предчувствие начинающейся ангины. Тайком я пытался завести язык как можно дальше и обследовать подозрительные места в глотке. Помню, что я сидел, уставившись прямо в затылок водителю, который представлял собой рельефную карту шрамов от залеченных фурункулов, как вдруг моя соседка по откидной скамеечке спросила меня:

– А как поживает ваша милая мамочка? Ведь вы Дикки Бриганза, да?

Язык у меня в эту минуту был занят обследованием мягкого нёба и завернут далеко назад. Я его развернул, проглотил слюну и посмотрел на соседку. Ей было лет под пятьдесят, одета она была модно и элегантно. На лице толстым блином лежал густой грим.

Я ответил, что – нет, я не он.

Она, слегка прищурившись, посмотрела на меня и сказала, что я как две капли воды похож на сына Селии Бриганза. Особенно рот. Я попытался выражением лица показать, что людям, мол, свойственно ошибаться. И снова уставился в затылок водителю. В машине наступило молчание. Для разнообразия я посмотрел в окно.

– Вам нравится служить в армии? – спросила миссис Силсберн мимоходом, лишь бы что-то сказать.

Но именно в эту минуту на меня напал кашель. Когда приступ прошел, я обернулся к ней и со всей доступной мне бодростью сказал, что у меня в армии много товарищей. Ужасно трудно было поворачиваться к ней – очень давил на диафрагму липкий пластырь.

Она закивала.

– Я считаю, что вы все просто чудо! – сказала она несколько двусмысленно. – Скажите, а вы друг невесты или жениха? – вдруг в упор спросила она.

– Видите ли, я не то чтобы друг...

– Лучше *молчите*, если вы друг жениха! – прервал меня голос невестиной подружки за спиной. – Ох, попадись он мне в руки хоть на две минуты. Всего на две минутки – больше мне не потребуется!

Миссис Силсберн обернулась круто, в полный оборот, чтобы улыбнуться говорившей. И снова – полный поворот на месте. Мы с ней крутнулись почти одновременно. Поворот был мгновенный. И улыбка, которой она одарила невестину подружку, была чудом эквилибристики. В живости этой улыбки выражалась симпатия ко всему молодому поколению во всем мире, и особенно к данной представительнице этой молодежи – такой смелой, такой откровенной, – впрочем, она еще мало с ней знакома.

– Кровожадное существо! – сказал со смешком мужской голос.

Миссис Силсберн и я опять обернулись. Заговорил муж невестиной подружки. Он сидел прямо за моей спиной, слева от жены. Мы с ним обменялись беглым недружелюбным взглядом, каким в тот недоброй памяти 1942 год могли обменяться только офицер с простым солдатом. На нем, старшем лейтенанте службы связи, была очень забавная фуражка летчика Военно-воздушных сил – с огромным козырьком и тульей, из которой была вынута проволока, что обычно придавало владельцу фуражки какой-то, очевидно заранее задуманный, беззаветно-храбрый вид. Но в данном случае фуражка своей роли никак не выполняла. Она главным образом работала на то, чтобы мой собственный, положенный по форме и несколько великоватый для меня головной убор выглядел как шутовской колпак, впопыхах вытасченный кем-то из мусоропровода.

Вид у лейтенанта был болезненный и загнанный. Он ужасно потел – откуда только бралось столько влаги на лбу, на верхней губе, даже на кончике носа, – говорят, в таких случаях и надо принимать солевые таблетки.

– Женат на самом кровожадном существе во всем штате! – сказал он миссис Силсберн с мягким смешком, явно рассчитанным на публику.

Из автоматического почтения к его чину я тоже чуть было не издал что-то вроде смешка – и этот коротенький, бессмысленный смешок чужака и младшего чина ясно показал бы, что и я на стороне лейтенанта и всех пассажиров такси и вообще я не против, а за.

– Нет, я не шучу! – сказала невестина подружка. – На две минутки, братцы, мне бы на две минутки! Ох, я бы собственными своими ручками...

– Ладно, ладно, не шуми, не волнуйся! – сказал ее муж, очевидно обладавший неиссякаемым запасом семейного долготерпения. – Не волнуйся – дольше проживешь.

Миссис Силсберн снова обернулась назад и одарила невестину подружку почти ангельской улыбкой.

– А кто-нибудь видел его родных на свадьбе? – спросила она мягко и вполне воспитанно, подчеркивая личное местоимение.

В ответе невестиной подружки была взрывчатая сила.

– Нет! Они все не то на Западном побережье, не то еще где-то. Да, хотела бы я на них посмотреть!

Ее муж опять засмеялся.

– А что бы ты сделала, милуша? – спросил он и беззастенчиво подмигнул мне.

– Не знаю, но что-нибудь я бы *обязательно* сделала, – сказала она. Лейтенант засмеялся громче. – Обязательно! – настойчиво повторила она. – Я бы им все сказала! И вообще, боже мой! – Она говорила со все возрастающим апломбом, словно решив, что не только ее муж, но и все остальные слушатели восхищаются ее прямоотой, ее несколько вызывающим чувством справедливости, пусть даже в нем есть что-то детское, наивное. – Не знаю, что я им сказала

бы. Наверно, несла бы всякую чепуху. Но господи ты боже! Честное слово, не могу видеть, как людям спускают форменные *преступления*! У меня кровь кипит!

Она подавила благородное волнение ровно настолько, чтобы миссис Силсберн успела поддержать ее взглядом, выражающим нарочито подчеркнутое сочувствие. Мы с миссис Силсберн уже окончательно и свехобщительно обернулись назад.

– Да, вот именно, преступление! – продолжала невестина подружка. – Нельзя с ходу врезаться в жизнь, ранить людей, так, походя, оскорблять их лучшие чувства.

– К сожалению, я мало что знаю про этого молодого человека, – мягко сказала миссис Силсберн. – Я и не видела его никогда. Только слышала, что Мюриель обручена...

– *Никто* его не видел, – резко бросила невестина подружка. – Даже я и то с ним незнакома. Два раза мы репетировали свадебную церемонию, и каждый раз бедному папе Мюриель приходилось заменять его только из-за того, что его идиотский самолет не мог вылететь. А во вторник он должен был вечером прилететь сюда на каком-то идиотском военном самолете, но в каком-то идиотском месте, не то в Аризоне, не то в Колорадо, случилось какое-то идиотство, снег пошел, что ли, и он прилетел только вчера в *час ночи*! И в такой час он как сумасшедший вызывает Мюриель по телефону откуда-то с Лонг-Айленда и просит встретиться с ним в холле какой-то жуткой гостиницы – ему, видите ли, надо с ней *поговорить*. – Невестина подружка красноречиво передернула плечами. – Но вы же знаете Мюриель, с таким ангелом каждый встречный-поперечный может выкамаривать, что ему вздумается. Меня это просто бесит. Таких, как она, всегда обижают... И представьте, она одевается, мчится в такси и сидит в каком-то жутком холле, разговаривает до *половины пятого* утра! – Невестина подружка выпустила из рук букет и сжала оба кулака на коленях. – Ох, я просто взбесилась!

– А в какой гостинице? – спросил я ее. – Вы не знаете в какой?

Я старался говорить небрежно, как будто трест гостиниц принадлежит, скажем, моему отцу и я с понятным сыновним интересом хочу узнать, где же останавливаются в Нью-Йорке приезжие. Но, в сущности, мой вопрос ничего не значил. Я просто думал вслух. Мне показался любопытным самый факт, что брат просил свою невесту приехать к нему в какую-то гостиницу, а не в свою пустую квартиру. Правда, с моральной стороны такое приглашение было вполне в его характере, но все-таки мне было любопытно.

– Не знаю, в какой гостинице, – раздраженно сказала невестина подружка. – В какой-то гостинице – и все. – Она вдруг пристально посмотрела на меня: – А вам-то зачем? Вы его приятель, что ли?

В ее взгляде была явная угроза. Казалось, в ней одной воплотилась целая толпа женщин и в другое время при случае она сидела бы с вязаньем у самой гильотины. А я всю жизнь больше всего боялся толпы.

– Мы с ним выросли вместе, – сказал я еле внятно.

– Смотри, какой счастливчик!

– Ну, ну, не надо! – сказал ее муж.

– Ах, виновата! – сказала невестина подружка, обращаясь к нему, хотя относилось это ко всем нам. – Но вы не видели, как эта бедная девочка битых два часа плакала, не осушая глаз. Ничего смешного тут нет – не думайте, пожалуйста! Слыхали мы про струсивших женихов. Но не в последнюю же минуту! Понимаете, так не поступают, не ставят в неловкое положение целое общество, нельзя порядочных людей доводить чуть ли не до припадка и сводить девочку с ума. Если он передумал, почему он ей не написал, почему не порвал с ней, как джентльмен, скажите, ради бога? Заранее, пока не заварил всю эту кашу!

– Ну ладно, успокойся, успокойся! – сказал ее муж. Он все еще посмеивался, но смех звучал довольно натянуто.

– Нет, я серьезно! Почему он не мог ей написать и все объяснить как *мужчина*, предупредить эту трагедию, и все такое? – Она метнула в меня взглядом. – Кстати, вы случайно не знаете, где он? – спросила она с металлом в голосе. – Если вы друзья *детства*, вы бы должны...

– Да я всего два часа как приехал в Нью-Йорк, – сказал я робко. Теперь не только невестина подружка, но и ее муж, и миссис Силсберн уставились на меня. – Я даже до телефона не успел добраться.

Помню, что именно в эту минуту на меня напал приступ кашля. Кашель был вполне непритворный, но должен сознаться, что я не приложил никаких усилий, чтобы его унять или ослабить.

– Вы лечились от кашля, солдат? – спросил лейтенант, когда я перестал кашлять.

Но тут у меня снова начался кашель и, как ни странно, опять без всякого притворства. Я все еще сидел впол- или в четверть оборота к задней скамье, но старался отвернуться так, чтобы кашлять по всем правилам приличия и гигиены.

Может быть, я нарушу порядок повествования, но мне кажется, что тут надо сделать небольшое отступление, чтобы ответить на некоторые заковыристые вопросы. И первый из них: почему я не вышел из машины? Кроме всяких побочных соображений, я точно знал, что машина везет всю компанию на квартиру к родителям невесты. И если бы я даже мог получить какие-то ценные сведения через убитую горем невенчанную невесту или через ее обеспокоенных (и наверняка разгневанных) родителей, ничто не могло бы загладить неловкость моего появления в их квартире. Почему же я сиднем сидел в машине? Почему не выскочил, скажем, тогда, когда машина останавливалась перед светофором? И наконец, самое непонятное: почему я вообще сел в эту машину?..

Возможно, что найдется с десяток ответов на все эти вопросы, и все они хотя бы в общих чертах будут вполне удовлетворительны. Но мне кажется, что можно ответить на все сразу, напомнив, что шел 1942 год, что мне было двадцать три года и я только что был призван в армию, только что обучен стадному чувству необходимости держаться скопом и, что важнее всего, мне было очень одиноко. А в таких случаях, как я понимаю, человек просто прыгает в машину к другим людям и уже оттуда не вылезает.

Но, возвращаясь к изложению событий, я вспоминаю, что в то время, как все трое – невестина подружка, ее супруг и миссис Силсберн – не отрываясь смотрели, как я кашляю, я сам поглядывал назад, на маленького старичка. Он по-прежнему сидел, уставившись вперед. С чувством какой-то благодарности я заметил, что его ножки не доходят до полу. Мне они показались старыми добрыми друзьями.

– А чем этот человек вообще занимается? – спросила меня невестина подружка, когда окончился приступ кашля.

– Вы про Симора? – сказал я.

Сначала по ее тону мне померещилось, что она подозревает его в чем-то особенно подлом. Но вдруг – чисто интуитивно – я сообразил, что, может быть, она втайне собрала самые разнообразные биографические данные о Симоре, то есть все те мелкие, к сожалению весьма драматические, факты, дающие, по моему мнению, в самой своей основе ложное представление о нем. Например, что он лет шесть, еще мальчишкой, был знаменитым по всей стране радиогероем. Или, с другой стороны, что он поступил в Колумбийский университет, едва только ему исполнилось пятнадцать лет.

– Вот именно, про Симора, – сказала невестина подружка. – Чем он занимался до военной службы?

И снова во мне искоркой вспыхнуло интуитивное ощущение, что она знала про него куда больше, чем по каким-то причинам считала нужным открыть. По всей вероятности, ей, например, отлично было известно, что до призыва Симор преподавал английский язык, что он

был преподавателем, да, преподавателем колледжа. И в какой-то момент, взглянув на нее, я испытал неприятное ощущение: а может быть, ей даже известно, что я брат Симора. Но думать об этом не стоило. И я только взглянул на нее исподлобья и сказал:

– Он был мозольным оператором. – И тут же, резко отвернувшись, стал смотреть в окошко.

Машина стояла уже несколько минут, но я только сейчас услышал воинственный грохот барабанов, который доносился издали, со стороны Лексингтонской или Третьей авеню.

– Парад! – сказала миссис Силсберн. Она тоже обернулась.

Мы оказались в районе Восьмидесятых улиц. Посреди Мэдисон-авеню стоял полисмен и задерживал все движение и на север, и на юг. Насколько я мог понять, он его просто останавливал, не направляя ни на восток, ни на запад. Три или четыре машины и один автобус ждали, пока их пропустят на юг, но наша машина была единственной, направлявшейся в северную часть города. На ближнем углу и на видимой мне из машины боковой улице, ведущей к Пятой авеню, люди столпились на тротуаре и у обочины, очевидно выжидая, пока отряд солдат, или сестер милосердия, или бойскаутов, или еще кого двинется со сборного пункта на Лексингтон-авеню и промарширует мимо них.

– О боже! Этого еще не хватало! – сказала невестина подружка.

Я обернулся, и мы чуть не стукнулись лбами. Она наклонилась вперед, почти что втиснувшись между мной и миссис Силсберн. Та с выражением сочувственного огорчения тоже повернулась к ней.

– Мы тут можем проторчать целый месяц! – сказала невестина подружка, вытягивая шею, чтобы поглядеть в ветровое стекло. – А мне надо быть там *сейчас*. Я сказала Мюриель и ее маме, что я приеду в одной из первых машин, буду у них через пять минут. О боже! Неужели ничего нельзя сделать?

– И мне надо быть там поскорее! – торопливо сказала миссис Силсберн.

– Да, но я ей *обещала*. В квартиру набьются всякие сумасшедшие дяди и тетки, всякий посторонний народ, и я ей обещала, что встану на страже, выставлю десять штыков, чтобы дать ей хоть немножко побыть одной, немного... – Она перебила себя: – О боже! Какой ужас!

Миссис Силсберн натянуто засмеялась.

– Боюсь, что я одна из этих сумасшедших теток, – сказала она. Она явно обиделась.

Невестина подружка покосилась на нее.

– Ах, простите! Я не про вас, – сказала она. Потом откинулась на спинку заднего сиденья. – Я только хотела сказать, что у них квартирка такая тесная, и, если туда начнут переть все кому не лень, – сами понимаете!

Миссис Силсберн промолчала, а я не смотрел на нее и не мог судить, насколько серьезно ее обидело замечание невестинной подружки. Помню только, что на меня произвел какое-то особое впечатление тон, с каким невестина подружка извинилась за свою неловкую фразу про «сумасшедших дядей и теток». Извинилась она искренне, но без всякого смущения, больше того, без всякой униженности, и у меня внезапно мелькнуло чувство, что, несмотря на показную строптивость и наигранный задор, в ней действительно было что-то прямое, как штык, что-то почти вызывавшее восхищение. (Скажу сразу и с полной откровенностью, что мое мнение в данном случае малого стоит. Слишком часто меня неумеренно влечет к людям, которые не рассыпаются в извинениях.) Но вся суть в том, что в эту минуту во мне впервые зашевелилось некоторое предубеждение против жениха, правда, самое чуточное, едва заметный зародыш порицания за его необъяснимое злонамеренное отсутствие.

– Ну-ка, попробуем что-нибудь сделать, – сказал муж невестинной подружки. Это был голос человека, сохраняющего спокойствие и под огнем неприятеля. Я почувствовал, как он собирается с силами у меня за спиной, и вдруг его голова просунулась в довольно ограниченное пространство между мной и миссис Силсберн. – Водитель! – сказал он властным голосом и

умолк в ожидании ответа. Водитель не замедлил откликнуться, после чего голос лейтенанта стал куда покладистей и демократичнее: – Как по-вашему, долго нас тут будут задерживать?

Водитель обернулся.

– А кто его знает, Мак, – сказал он и снова стал смотреть вперед. Он был весь поглощен тем, что происходило на перекрестке. За минуту до того какой-то мальчуган с наполовину опавшим красным воздушным шариком выскочил в запретную зону, очищенную от прохожих. Его только что поймал отец и потащил по тротуару, ткнув раза два в спину кулаком. Толпа в справедливом негодовании встретила этот поступок криками.

– Вы видели, как этот человек обращается с *ребенком*? – спросила миссис Силсберн, вызывая ко всем. Никто ей не ответил.

– Может быть, спросить полисмена, сколько нас тут продержат? – сказал водителю лейтенант. Он все еще сидел, наклонясь далеко вперед. Очевидно, его не удовлетворил лаконичный ответ водителя на его первый вопрос. – Видите ли, мы все несколько торопимся. Не могли бы вы спросить у него, надолго ли нас тут задержат?

Не оборачиваясь, водитель дерзко передернул плечами. Но все же он выключил зажигание и вышел из машины, грохнув тяжелой дверцей лимузина. Он был неряшлив, хамоват с виду, в неполной шоферской форме: в черном костюме, но без фуражки.

Медленно и весьма независимо, чтобы не сказать – нахально, он прошел несколько шагов до перекрестка, где дежурный полисмен управлял движением. Они стали переговариваться бесконечно долго. Я услышал, как невестина подружка застонала позади меня. И вдруг оба, полисмен с шофером, разразились громовым хохотом. Можно было подумать, что они ни о чем не беседовали, а просто накоротке обменивались непристойными шутками. Потом наш водитель, все еще смеясь про себя, дружески помахал полисмену рукой и очень медленно пошел к машине. Он сел, грохнув дверцей, вытащил сигарету из пачки, лежавшей на полочке над распределительным щитком, засунул сигарету за ухо и потом, только потом обернулся к нам и доложил.

– Он сам не знает, – сказал он. – Надо ждать, пока пройдет парад. – Он мельком оглядел всех нас. – Тогда можно и ехать. – Он отвернулся, вытащил сигарету из-за уха и закурил.

С задней скамьи послышался горестный вздох – это невестина подружка таким образом выразила обиду и разочарование. Наступила полная тишина. Впервые за последние несколько минут я взглянул на маленького старичка с незажженной сигарой. Задержка в пути явно не трогала его. **Очевидно, он установил для себя твердые нормы поведения на заднем сиденье машины – все равно какой: стоящей, движущейся, а может быть, даже – кто его знает? – летящей с моста в реку. Все было чрезвычайно просто. Надо только сесть очень прямо, сохраняя расстояние от верхушки цилиндра до потолка примерно в четыре-пять дюймов, и сурово смотреть вперед, на ветровое стекло. И если Смерть – а она, по всей вероятности, все время сидела впереди, на капоте, – так вот, если Смерть каким-то чудом проникнет сквозь стекло и придет за тобой, то ты встанешь и пойдешь за ней сурово, но спокойно.** Не исключалось, что можно будет взять с собой сигару, если это светлая гавана.

– Что же мы будем делать? Просто *сидеть* тут, и все? – спросила невестина подружка. – Я умираю от жары.

Миссис Силсберн и я обернулись как раз вовремя, чтобы поймать ее взгляд, брошенный мужу впервые за все время, что они сидели в машине.

– Неужели ты не можешь хоть чуть-чуть подвинуться? – сказала она ему. – Я просто задыхаюсь, так меня сдавили.

Лейтенант засмеялся и выразительно развел руками.

– Да я уже сижу чуть ли не на крыле, зайчика! – сказал он.

Она перевела взгляд, полный негодования и любопытства, на другого своего соседа: тот, словно ему хотелось хотя бы немного поднять мое настроение, занимал гораздо больше места, чем ему требовалось. Между его правым бедром и низом подлокотника было добрых два дюйма. Невестина подружка, несомненно, видела это, но, несмотря на весь металл в голосе, она все же никак не могла решиться попрекнуть этого устрашающего своим видом маленького человечка. Она опять повернулась к мужу.

– Ты можешь достать сигареты? – раздраженно спросила она. – Мне до моих никак не добраться, до того меня сдавили.

При слове «сдавили» она повернула голову и метнула беглый, но чрезвычайно красноречивый взгляд на маленького виновника преступления, захватившего пространство, которое по праву должно было принадлежать ей. Но тот остался в высшей степени неуязвимым. Подружка невесты посмотрела на миссис Силсберн и выразительно подняла брови. Миссис Силсберн, в свою очередь, выразила на лице полное понимание и сочувствие. Тем временем лейтенант перенес всю тяжесть тела на левую, ближайшую к окну, ягодицу и вытащил из правого кармана парадных форменных брюк пачку сигарет и карточку спичек. Его жена взяла сигарету, и он тут же дал ей прикурить. Миссис Силсберн и я смотрели, как зажглась спичка, словно зачарованные каким-то необычным явлением.

– О, простите! – сказал лейтенант и протянул пачку миссис Силсберн.

– Очень вам благодарна, но я не курю! – торопливо проговорила миссис Силсберн почти с сожалением.

– А вы, солдат? – И лейтенант после едва заметного колебания протянул пачку и мне. Скажу откровенно, что хотя мне и понравилось, как он заставил себя предложить сигарету и как в нем простая вежливость победила кастовые предрассудки, но все-таки сигарету я не взял.

– Можно взглянуть на ваши спички? – спросила миссис Силсберн необыкновенно нежным, почти как у маленькой девочки, голосом.

– Эти? – сказал лейтенант. Он с готовностью передал картонку со спичками миссис Силсберн.

Миссис Силсберн стала рассматривать спички, и я тоже посмотрел на них с выражением интереса. На откидной крышечке золотыми буквами по красному фону были напечатаны слова: «Эти спички украдены из дома Боба и Эди Бервик».

– Преле-е-стно! – протянула миссис Силсберн, качая головой. – Нет, правда, *прелестно!*

Я попытался выражением лица показать, будто не могу прочесть надпись без очков, и бесстрастно прищурился. Миссис Силсберн явно не хотелось возвращать спички их хозяину. Когда она их отдала и лейтенант спрятал их в нагрудный карман, она сказала:

– По-моему, я такого никогда не видела. – И, сделав почти полный оборот на своем откидном сиденье, она с нежностью стала разглядывать нагрудный карман лейтенанта.

– В прошлом году мы заказали их целую кучу! – сказал лейтенант. – Вы не поверите, как это экономит спички.

Но тут жена посмотрела – вернее, надвинулась на него.

– Мы не для того их заказывали! – сказала она и, бросив на миссис Силсберн взгляд, говорящий: «Ох уж эти мне мужчины!» – добавила: – Не знаю, мне просто показалось, что это занятно. Пошло, но все-таки занятно. Сама не знаю...

– Нет, это прелестно. По-моему, я нигде...

– В сущности, это и не оригинально. Теперь все так делают. Кстати, эту мысль мне подали родители Мюриель, ее мама с папой. У них в доме всегда такие спички. – Она глубоко затянулась сигаретой и, продолжая говорить, выпускала маленькие, как будто односложные клубочки дыма: – Слушайте, они потрясающие люди! Оттого меня просто *убивает* вся эта история. Почему такие вещи не случаются со всякой швалью, нет, непременно попадают *порядочные*

люди! Вот чего я не могу понять! – И она посмотрела на миссис Силсберн, словно ожидая разъяснения.

Улыбка миссис Силсберн была одновременно загадочной, светской и печальной, насколько я помню, это была улыбка как бы некой Джоконды Откидного Сиденья.

– Да, я и сама часто думала... – вполголоса произнесла она. И потом несколько двусмысленно добавила: – Ведь мать Мюриель – младшая сестрица моего покойного мужа.

– А-а! – с интересом сказала невестина подружка. – Значит, вы все сами знаете! – И, протянув неестественно длинную левую руку через своего мужа, она стряхнула пепел сигареты в пепельницу у дверцы. – Честное слово, таких по-настоящему *блестящих* людей я за всю свою жизнь почти не встречала. Понимаете, она читала *все на свете*! Бог мой, да если бы я могла прочесть хоть десятую часть того, что эта женщина прочла и забыла, это было бы для меня счастье! Понимаете, она и *преподавала*, она и в газете работала, она *сама* шьет себе платья, она все хозяйство ведет сама! Готовит она как бог! Нет, честно скажу, по-моему, она просто чудо, черт возьми!

– А она одобряла этот брак? – перебила миссис Силсберн. – Понимаете, я спрашиваю только потому, что я несколько месяцев пробыла в Детройте. Моя золовка внезапно скончалась, и я...

– Она слишком хорошо воспитана, чтобы вмешиваться, – сухо объяснила невестина подружка. – Поймите меня, она слишком – ну, как бы это сказать? – деликатна, что ли. – Она немного помолчала. – В сущности, только сегодня утром я впервые услышала, как она возмущалась по этому поводу. Да и то лишь потому, что очень расстроилась из-за бедняжки Мюриель.

Она снова протянула руку и стряхнула пепел с сигареты.

– А что она говорила сегодня утром? – с жадностью спросила миссис Силсберн.

Невестина подружка, казалось, что-то припоминала.

– Да в общем, ничего особенного, – сказала она, – я хочу сказать – ничего злого или по-настоящему обидного, словом, ничего такого! Она только сказала, что, по ее мнению, этот Симор – потенциальный гомосексуалист и что он, в сущности, испытывает страх перед браком. Понимаете, в ее словах не было никакой злобы или еще чего-нибудь. Она просто высказалась, вы понимаете, мудро. Понимаете, она сама проходит курс психоанализа вот уже много-много лет подряд. – Невестина подружка взглянула на миссис Силсберн. – Никакого секрета тут нет. Я знаю, что миссис Феддер сама рассказала бы вам, так что я ничьих секретов не выдаю!

– Знаю, знаю, – торопливо сказала миссис Силсберн. – Она ни за что на свете...

– Понимаете, – продолжала невестина подружка, – не тот она человек, чтобы говорить такие вещи наобум, она знает, что говорит. И никогда, *никогда* она не сказала бы ничего подобного, если бы бедняжка Мюриель не была в таком состоянии: просто как убитая, понимаете. – Она мрачно тряхнула головой. – Бог мой, вы бы видели эту несчастную крошку!

Несомненно, надо бы мне тут прервать рассказ и описать, как я мысленно отреагировал на основные высказывания невестиной подружки. Но, пожалуй, лучше пока что об этом промолчать, и, надеюсь, читатель на меня не обидится.

– А что она еще говорила? – спросила миссис Силсберн. – Что говорила Рэа? Она еще что-нибудь сказала?

Я не смотрел на нее – я не сводил глаз с невестиной подружки, но мне вдруг на миг показалось, что миссис Силсберн готова всей тяжестью навалиться на нее.

– Да нет... Пожалуй, нет. Почти ничего. – Невестина подружка раздумчиво покачала головой. – Понимаете, как я уже говорила, она вообще ничего бы не сказала, особенно при таком количестве людей, если бы бедняжка Мюриель не была бы так безумно расстроена... – Она снова стряхнула пепел с сигаретки. – Она только добавила, что этот Симор, безусловно, шизоидный тип и что если правильно воспринимать события, то для Мюриель даже лучше,

что все так обернулось. Конечно, мне это вполне понятно, но не уверена, что Мюриель тоже так понимает. Он до такой степени ее *охмурил*, что она не понимает, на каком она свете. Вот почему это меня так...

Но тут ее прервали. Прервал я. Насколько помню, голос у меня дрожал – так со мной бывает всегда, когда я серьезно расстроен.

– Что же привело миссис Феддер к выводу, что Симор – потенциальный гомосексуалист и шизоидный тип?

Все взгляды, нет, все прожекторы – взгляд невестины подружки, взгляд миссис Силсберн, даже взгляд лейтенанта – сразу скрестились на мне.

– Что? – спросила невестина подружка резко, пожалуй, даже враждебно. И снова у меня мелькнуло неопределенное, смутное чувство: она знает, что я брат Симора.

– Почему миссис Феддер думает, что Симор – потенциальный гомосексуалист и шизоидный тип?

Невестина подружка уставилась на меня, потом выразительно фыркнула. Она обернулась и возвала к миссис Силсберн с подчеркнутой иронией:

– Как по-вашему, может нормальный человек выкинуть такую штуку, как он сегодня? – Она подняла брови и подождала ответа. – Как по-вашему? – переспросила она тихо-тихо. – Только честно. Я вас спрашиваю. Пусть этот джентльмен слышит.

Ответ миссис Силсберн был сама деликатность, сама честность.

– По-моему, нет, конечно! – сказала она.

Меня охватило внезапное безудержное желание выскочить из машины и броситься бегом, со всех ног куда попало. Но, насколько я помню, я все еще не двинулся с места, когда невестина подружка снова обратилась ко мне.

– Послушайте, – сказала она тем делано терпеливым тоном, каким учительница говорила бы с ребенком не только умственно отсталым, но и вечно сопливым. – Не знаю, насколько вы разбираетесь в людях. Но какой человек в здравом уме накануне того дня, когда он собирается жениться, всю ночь не дает покоя своей невесте и без конца плетет какую-то чушь, что он, мол, слишком *счастлив* и потому венчаться не может и что ей придется *отложить* свадьбу, пока он не *успокоится*, не то он никак не сможет явиться. А когда невеста ему объясняет, как *ребенку*, что все уже договорено и устроено давным-давно, что ее отец пошел на *невероятные* расходы и хлопоты, чтобы устроить прием и все что полагается, что ее родственники и друзья съедутся со всех концов *страны*, он после этих объяснений заявляет ей, что страшно огорчен, но, пока он так безумно *счастлив*, свадьба состояться не может, ему надо успокоиться – словом, какой-то идиотизм! Вы сами подумайте, если только у вас голова работает. Похоже это на *нормального* человека? Похоже это на человека в своем уме? – В ее голосе уже появились визгливые нотки. – Или так поступает человек, которого надо бы засадить за решетку? – Она строго уставилась на меня, а когда я промолчал и не стал ни защищаться, ни сдаваться, она тяжело откинулась на спинку сиденья и сказала мужу: – Дай-ка мне еще сигаретку, пожалуйста. А то я сейчас обожгусь.

Она передала ему обгоревший окурок, и он потушил его. Потом вынул пачку.

– Нет, ты сам раскури, – сказала она, – у меня сил не хватает.

Миссис Силсберн откашлялась:

– По-моему, это просто неожиданное счастье, что все вышло так...

– Нет, я *вас* спрашиваю, – со свежими силами обратилась к ней невестина подружка, беря из рук мужа зажженную сигарету. – Разве так, по-вашему, поступает нормальный человек, нормальный *мужчина*? Или это поступки человека совершенно *невзрослого*, а может быть, и буйно помешанного, форменного психопата?

– Господи, я даже не знаю, что сказать. По-моему, им просто повезло, что все так...

Вдруг невестина подружка резко выпрямилась и выпустила дым из ноздрей.

– Ну ладно, не в этом дело, замолчите на минуту, мне не до того, – сказала она. Обращалась она к миссис Силсберн, но на самом деле ее слова относились ко мне, так сказать, через посредника: – Вы когда-нибудь видели... в кино? – спросила она.

Она назвала театральным псевдоним уже и тогда известной, а теперь, в 1955 году, очень знаменитой киноактрисы.

– Да, – быстро и оживленно сказала миссис Силсберн и выжидательно замолчала.

Невестина подружка кивнула.

– Хорошо, – сказала она, – а вы когда-нибудь случайно не замечали, что улыбается она чуть-чуть криво? Вроде как бы только одним углом рта? Это очень заметно, если внимательно...

– Да, да, замечала, – сказала миссис Силсберн.

Невестина подружка затянулась сигаретой и взглянула – совсем мельком – в мою сторону.

– Так вот, оказывается, это у нее что-то вроде *частичного* паралича, – сказала она, выпуская клубочки дыма при каждом слове. – А знаете отчего? Этот ваш *нормальный* Симор, говорят, ударил ее, и ей наложили девять швов на лицо. – Она опять протянула руку (возможно, ввиду отсутствия более удачных режиссерских указаний) и стряхнула пепел с сигареты.

– Разрешите спросить, где вы это слыхали? – сказал я. Губы у меня тряслись, как два дурака.

– Разрешаю, – сказала она, глядя не на меня, а на миссис Силсберн. – Мать Мюриель случайно упомянула об этом часа два назад, когда Мюриель чуть глаза не выплакала. – Она взглянула на меня. – Вас это удовлетворяет? – И она вдруг переложила букет гардений из правой руки в левую. Это было единственное проявление нервозности, какое я за ней заметил. – Кстати, для вашего сведения, – сказала она, глядя на меня, – знаете, кто вы, по-моему, такой? По-моему, вы брат этого самого Симора. – Она сделала коротенькую паузу, а когда я промолчал, добавила: – Вы даже похожи на него, если судить по его дурацкой фотографии, и я знаю, что его брат должен был приехать на свадьбу. Кто-то, кажется его сестра, сказал об этом Мюриель. – Она не спускала с меня глаз. – Вы брат? – резко спросила она.

Голос у меня, наверно, сорвался, когда я отвечал.

– Да, – сказал я.

Лицо у меня горело. Но в каком-то смысле я чувствовал себя куда больше самим собой, чем днем, в том состоянии обалдения, в каком я сошел с поезда.

– Так я и знала, – сказала невестина подружка. – Не такая уж я дура, уверяю вас. Как только вы сели в машину, я сразу поняла, кто вы. – Она обернулась к мужу: – Разве я не сказала, что он его брат, в ту самую минуту, как он сел в машину? Не сказала?

Лейтенант уселся поудобнее.

– Да, ты сказала, что он, должно быть... да, да, сказала, – проговорил он. – Да, ты сказала.

Даже не глядя на миссис Силсберн, можно было понять, как внимательно она следит за ходом событий. Я мельком взглянул мимо нее, назад, на пятого пассажира, маленького старичка, проверяя, остается ли он все таким же безучастным. Нет, ничего не изменилось. Редко безучастность человека доставляла мне такое удовольствие.

Но тут невестина подружка снова взялась за меня:

– Кстати, для вашего сведения, я знаю также, что ваш братец вовсе не мозольный оператор. И нечего острить. Я прекрасно знаю, что он лет сто подряд играл роль Билли Блэка в программе «Умный ребенок».

Тут миссис Силсберн внезапно вмешалась в разговор.

– Это ведь на радио? – спросила она, и я почувствовал, что она смотрит и на меня с новым, более глубоким интересом.

Невестина подружка ей не ответила.

– А вы кем были? – спросила она меня. – Наверно, вы – Джорджи Блэк?

Смесь любопытства и грубой прямооты в ее голосе показалась мне не только забавной – меня она совсем обезоруживала.

– Нет, Джорджи Блэком был мой брат Уолт, – сказал я, отвечая только на второй ее вопрос.

Она обратилась к миссис Силсберн:

– Кажется, это *секрет*, что ли, но этот человек и его братец Симор выступали по радио под вымышленными именами. Семейство Блэк!

– Успокойся, детка, успокойся, – сказал лейтенант с некоторой тревогой.

Его жена обернулась к нему.

– Нет, не успокоюсь! – сказала она, и опять вопреки рассудку где-то во мне зашевелилось нечто похожее на восхищение – такой у нее был металл в голосе, неважно, какой он пробы. – Братец у него, говорят, умен, как дьявол, – сказала она, – поступил в университет чуть ли не в четырнадцать лет. Но если считать его умным после всего, что он сделал сегодня с этой девочкой, так я – Махатма Ганди! Тут меня не собьешь! Это возмутительно – и все!

Мне стало еще больше не по себе. Кто-то пристально изучал левую, наименее защищенную сторону моей физиономии. Это была миссис Силсберн. Она подалась назад, когда я сердито взглянул на нее.

– Скажите, пожалуйста, это вы были Бадди Блэк? – спросила она, и по уважительной нотке в ее голосе мне показалось, что сейчас она протянет мне авторучку и маленький альбом для автографов в сафьяновом переплете. От этой мысли мне стало неловко, особенно потому, что был сорок второй год и прошло добрых десять лет после расцвета моей весьма прибыльной карьеры.

– Я спрашиваю только потому, что мой муж ни одного-единственного раза не пропускал вашу передачу...

– А если хотите знать, – перебила ее невестина подружка, – для меня это была самая ненавистная радиопрограмма. Я таких вундеркиндов просто ненавижу. Если бы мой ребенок хоть раз...

Но конца этой фразы мы так и не услышали. Внезапно и решительно ее прервал самый пронзительный, самый оглушающий, самый фальшивый трубный вой в до мажоре, какой можно себе представить. Ручаюсь, что мы все разом подскочили в самом буквальном смысле слова. И тут показался духовой оркестр с барабанами, состоящий из сотни, а то и больше морских разведчиков, начисто лишенных слуха. С почти преступной развязностью они терзали национальный гимн «Звездное знамя». Миссис Силсберн сразу нашлась – она заткнула уши.

Казалось, уже целую вечность длится этот невыразимый грохот. Только голос невестины подружки смог бы его перекрыть, да, никто другой, пожалуй, не осмелился бы. А она осмелилась, и всем показалось, что она кричит нам что-то во весь голос бог знает откуда, из-под трибун стадиона «Янки».

– Я больше не могу! – крикнула она. – Уйдем отсюда, поищем телефон. Я должна позвонить Мюриель, сказать, что мы задержались, не то она там с ума сойдет!

Миссис Силсберн и я в это время смотрели, как наступает местный армагеддон, но тут мы снова повернулись на наших откидных сиденьях лицом к нашему вождю, а может быть, и спасителю.

– На Семьдесят девятой есть кафе Шрафта! – заорала она в лицо миссис Силсберн. – Пойдем выпьем содовой, я оттуда позвоню, там хоть вентиляция есть.

Миссис Силсберн восторженно закивала и губами изобразила слово «да».

– И вы тоже! – крикнула мне невестина подружка.

Помнится, я с необъяснимой, неожиданной для себя готовностью крикнул ей в ответ непривычное для меня слово:

– Чудесно!

(Мне до сих пор неясно, почему она включила меня в список покидающих корабль. Может быть, ею руководила естественная любовь прирожденного вождя к порядку. Может, она чувствовала смутную, но настойчивую необходимость высадить на берег всех без исключения. Мое непонятно быстрое согласие на это приглашение можно объяснить куда проще. Хочется думать, что это был обыкновенный религиозный порыв. В некоторых буддийских монастырях секты Дзен есть нерушимое и, пожалуй, единственное непреложное правило поведения: если один монах крикнет другому: «Эй!», тот должен без размышлений отвечать: «Эй!»)

Тут невестина подружка обернулась и впервые за все время заговорила с маленьким старичком. Я буду век ему благодарен за то, что он по-прежнему смотрел вперед, словно для него вокруг ничто ни на йоту не изменилось. И по-прежнему он двумя пальцами держал незажженную гаванскую сигару. Оттого ли, что он явно не замечал, какой страшный грохот издает проходящий оркестр, оттого ли, что нам заведомо была известна непреложная истина: всякий старик после восьмидесяти либо глух как пень, либо слышит совсем плохо, – словом, невестина подружка, почти касаясь губами его уха, прокричала ему, вернее в него:

– Мы сейчас выходим из машины! Поищем телефон, может быть, выпьем чего-нибудь. Хотите с нами?

Старичок откликнулся мгновенно и просто неподражаемо: он взглянул на невестину подружку, потом на всех нас и расплылся в улыбке. Улыбка ничуть не стала менее ослепительной оттого, что в ней не было ни малейшего смысла, да и оттого, что зубы у старичка были явно и откровенно вставные. Он снова вопросительно взглянул на невестину подружку, чудом сохраняя все ту же неугасимую улыбку. Вернее, он посмотрел на нее, как мне показалось, с надеждой, словно ожидая, что она или кто-то из нас тут же мило передаст ему корзину со всякими яствами.

– По-моему, душенька, он тебя не слышит! – крикнул лейтенант.

Его жена кивнула и снова поднесла губы, как мегафон, к самому уху старичка. Громовым голосом, достойным всяких похвал, она повторила приглашение вместе с нами выйти из машины. И снова, по всей видимости, старичок выразил полнейшую готовность на что угодно – хоть пробежаться к реке и немножко поплавать. Но все же создавалось впечатление, что он ни единого слова не слышал. И вдруг он подтвердил это. Озарив нас всех широчайшей улыбкой, он поднял руку с сигарой и одним пальцем многозначительно похлопал себя сначала по губам, потом по уху. Жест был такой, будто дело шло о первоклассной шутке, которой он решил с нами поделиться.

В эту минуту миссис Силсберн чуть не подпрыгнула рядом со мной, показывая, что она все поняла. Она схватила невестину подружку за розовый шелковый рукав и крикнула:

– Я знаю, кто он такой! Он глух и нем! Это глухонемой дядя отца Мюриель!

Губы невестиной подружки сложились буквой «о». Она резко повернулась к мужу и заорала:

– Есть у тебя карандаш с бумагой?

Я тронул ее рукав и крикнул, что у меня есть. Торопясь, как будто по неизвестной причине нам была дорога каждая секунда, я достал из внутреннего кармана куртки маленький блокнот и огрызок чернильного карандаша, недавно реквизированный из ящика стола в ротной канцелярии форта Беннинг.

Преувеличенно четким почерком я написал на листке: «Парад задерживает нас на неопределенное время. Мы хотим поискать телефон и выпить чего-нибудь холодного. Не угодно ли с нами?» И, сложив листок, передал его невестиной подружке. Она развернула его, прочла и передала маленькому старичку. Он тоже прочел, заулыбался, посмотрел на меня и усиленно закивал головой. На миг я решил, что это вполне красноречивый и полный ответ, но он вдруг помахал мне рукой, и я понял, что он просит дать ему блокнот и карандаш. Я подал блокнот, не глядя на невестину подружку, от которой волнами шло нетерпение. Стари-

чок очень аккуратно пристроил блокнот и карандаш на коленях, на минуту застыл все с той же неослабевающей улыбкой, подняв карандаш и явно собираясь с мыслями. Карандаш стал очень неуверенно двигаться. В конце концов появилась аккуратная точка. Затем блокнот и карандаш были возвращены мне лично, в собственные руки, сопровождаемые исключительно сердечным и теплым кивком. Еще не совсем просохшие буквы изображали два слова: «Буду счастлив». Невестина подружка, прочтя это через мое плечо, издала звук, похожий на фыркание, но я сразу посмотрел в глаза великому писателю, пытаясь изобразить на своем лице, насколько все мы, его спутники, понимаем, что такое истинная поэма и как мы бесконечно ему благодарны.

Поодиночке, друг за другом, мы высадились из машины – с покинутого корабля, посреди Мэдисон-авеню, в море раскаленного, размякшего асфальта. Лейтенант на минуту задержался, чтобы сообщить водителю о бунте команды. Отлично помню, что оркестр все еще продолжал маршировать и грохот не стихал ни на миг.

Невестина подружка и миссис Силсберн возглавляли шествие к кафе Шрафта. Они маршировали рядом, почти как передовые разведчики по восточной стороне Мэдисон-авеню, в южном направлении. Окончив свой доклад водителю, лейтенант догнал их. Вернее, почти догнал. Он немножко отстал, чтобы незаметно вынуть бумажник и проверить, сколько у него с собой денег.

Мы с дядюшкой невестиного отца замыкали шествие. То ли он интуитивно чувствовал, что я ему друг, то ли просто потому, что я был владельцем блокнота и карандаша, но он как-то подтянулся, а не подошел ко мне, и мы зашагали вместе. Дonyшко его превосходного шелкового цилиндра едва достигало мне до плеча. Я пошел сравнительно медленно, принаравливаясь к его коротким шажкам. Через квартал-другой мы значительно отстали от всех. Но, кажется, нас это не особенно беспокоило. Помню, как мы иногда смотрели друг на друга с идиотским выражением радости и благодарности за компанию.

Когда мы с моим спутником дошли наконец до вращающейся двери кафе Шрафта на Семьдесят девятой улице, лейтенант, его жена и миссис Силсберн уже стояли там. Они ждали нас, как мне показалось, тесно сплоченным и довольно воинственно настроенным отрядом. Когда наша не по росту подобранная пара подошла, они оборвали разговор. Не так давно, в машине, когда гремел военный оркестр, какое-то общее неудобство, я бы сказал – общая беда, создало в нашей маленькой компании видимость дружеской связи, как бывает в группе туристов Кука, попавших под страшный ливень на развалинах Помпеи. Но когда мы с маленьким старичком подошли к дверям кафе, мы с беспощадной ясностью поняли, что ливень кончился.

Мы обменялись взглядами, словно узнав друг друга, но никак не обрадовавшись.

– Закрыто на ремонт, – сухо объявила невестина подружка, глядя на меня. Неофициально, но вполне отчетливо она снова дала мне понять, что я тут чужой, лишний, и в эту минуту без всякой особой причины я вдруг испытал такое одиночество, такую оторванность от всех, какой еще не чувствовал за весь день. И тут же – об этом стоит сказать – на меня с новой силой напал кашель. Я вынул носовой платок из кармана. Невестина подружка повернулась к своему мужу и миссис Силсберн.

– Где-то тут кафе «Лонгшан», – сказала она, – но где, не знаю.

– Я тоже не знаю, – сказала миссис Силсберн.

Казалось, она сейчас заплачет. Пот просочился даже сквозь толстый слой грима на лбу и на верхней губе. Лево́й рукой она прижимала к себе черную лакированную сумку. Она держала ее, как любимую куклу, и сама походила на очень несчастную, неумело накрашенную, напудренную девочку, убежавшую из дому.

– Сейчас ни за какие деньги не достать такси, – уныло сказал лейтенант. Он тоже здорово полинял. Его залихватская фуражка героя-летчика казалась жестокой насмешкой над бедной, потной, отнюдь не лихой физиономией, и я припоминаю, что у меня возникло побуждение сдернуть эту фуражку у него с головы или хотя бы поправить ее, придать ей не такой нахальный

излом, – побуждение, вполне родственное тому, какое испытываешь на детском празднике, где обязательно попадаетесь ужасно некрасивый малыш в бумажном колпаке, из-под которого вылезает то одно, а то и оба уха.

– О боже, что за день! – во всеуслышание объявила невестина подружка. Веночек из искусственных незабудок уже совсем сбилась набок, и она вся взмокла, но мне показалось, что по-настоящему пострадала только самая, так сказать, незначительная принадлежность ее особы – букет из гардений. Она все еще рассеянно держала его в руке. Но он явно не выдержал испытания. – Что же нам делать? – спросила она с несвойственным ей отчаянием. – Не иди же туда пешком. Они живут чуть ли не около Ривердейла. Может, кто-нибудь посоветует?

Она посмотрела сперва на миссис Силсберн, потом на мужа и, наконец, как видно с отчаяния, на меня.

– У меня тут неподалеку квартира, – сказал я вдруг, очень волнуясь. – Всего в каком-нибудь квартале отсюда, не больше.

Помнится, что я сообщил эти сведения чересчур громким голосом. Может быть, я даже кричал, кто его знает.

– Это квартира моя и брата. Пока мы в армии, там живет наша сестра, но сейчас ее нет дома. Она служит в женском морском отряде и куда-то уехала. – Я посмотрел на невестину подружку, вернее, мимо нее. – Можете оттуда позвонить, если хотите, – сказал я, – и там хорошая система вентиляции. Можно остыть, передохнуть.

Несколько оправившись от потрясения, все трое, лейтенант, его жена и миссис Силсберн, устроили что-то вроде переговоров – правда, только глазами, но никаких видимых результатов не последовало.

Первой решила действовать невестина подружка. Напрасно она пыталась узнать по глазам мнение остальных. Пришлось обратиться прямо ко мне.

– Вы сказали, там есть телефон? – спросила она.

– Да. Если сестра не велела его выключить, только вряд ли она это сделала.

– А почему мы знаем, что там нет вашего братца? – сказала невестина подружка.

В моем воспаленном мозгу такая мысль и возникнуть не могла.

– Нет, не думаю, – сказал я. – Конечно, всякое бывает, ведь квартира и его тоже, только не думаю, что он там, не может этого быть.

Невестина подружка уставилась на меня: она глядела очень пристально, но, как ни странно, довольно вежливо, – если ребенок не спускает с тебя глаз, это нельзя считать невежливостью. Потом, обернувшись к мужу и миссис Силсберн, она сказала:

– Пожалуй, пойдем. Оттуда хоть позвонить можно.

Они кивнули в знак согласия. Миссис Силсберн, та даже припомнила правила из учебника хорошего тона – как отвечать на приглашения у дверей кафе. Сквозь расплывающийся под солнцем грим мне навстречу пробилась слабенькая улыбочка вполне хорошего тона. Помнится, что я ей очень обрадовался.

– Ну, пошли, уйдем от этого солнца! – сказала наша руководительница. – А что делать с этим? – И, не дожидаясь ответа, она подошла к обочине и без всяких сантиментов вышвырнула увядший букет гардений в канавку.

– Ладно, веди нас, Макдуф, – сказала она мне. – Пойдем за вами. Одно только скажу: лучше бы его там не было. Не то я убью этого ублюдка. – Она поглядела на миссис Силсберн. – Простите, что я так выразилась, но я не шучу.

Повинуясь приказу, я почти весело пошел вперед. Через минуту в воздухе, слева около меня и довольно низко, материализовался шелковый цилиндр, и мой личный, неофициальный, но постоянный спутник заулыбался мне снизу – в первый миг мне даже показалось, что сейчас он сунет ручонку мне в руку.

Трое моих гостей и мой единственный друг ждали на площадке, пока я бегло осматривал квартиру.

Все окна были закрыты. Оба вентилятора были выключены, и, когда я вдохнул воздух, показалось, что я глубоко дышу, сидя в кармане старой меховой шубы. Тишину нарушало только прерывистое мурлыканье престарелого холодильника, купленного нами по случаю. Моя сестрица Бу-Бу по своей девичьей, военно-морской рассеянности забыла его выключить. По беспорядку в квартире сразу было видно, что ее занимала молодая морячка. Нарядный синий кителек мичмана вспомогательной женской службы валялся подкладкой вниз на кушетке. На низком столике перед кушеткой стояла полупустая коробка шоколада – из всех оставшихся конфет, очевидно ради эксперимента, начинка была понемножку выдавлена. На письменном столе, в рамке, красовалась фотография весьма решительного юноши, которого я никогда раньше не видел. И все пепельницы в доме расцвели пышным цветом, до отказа забитые окурками в губной помаде и мятыми бумажными салфетками. Я не стал заходить на кухню, в спальню и в ванную, а только быстро открывал двери, проверяя, не спрятались ли где-нибудь Симор. Во-первых, я разомлел и ослаб. Во-вторых, мне было некогда – пришлось поднять шторы, включить вентиляционную систему, опорожнить переполненные пепельницы. А кроме того, вся остальная компания тут же ввалилась за мной следом.

– Да тут жарче, чем на улице! – сказала вместо приветствия невестина подружка, заходя в комнату.

– Сейчас, одну минутку, – сказал я. – Никак не включу этот вентилятор.

Кнопку включения заело, и я никак не мог с ней справиться.

Пока я, даже не сняв, как помнится, фуражки, возился с вентилятором, остальные подозрительно осматривали комнату. Я искоса поглядывал на них. Лейтенант подошел к письменному столу и уставился на три с лишним фута стены над столом, где мы с братом из сентиментальных побуждений с вызовом прикрепили множество блестящих фотографий, восемь на десять. Миссис Силсберн села, как и следовало ожидать, подумал я, в то единственное кресло, которое облюбовал для спанья мой покойный бульдожка; подлокотники, обитые грязным вельветом, были насквозь прослунены и прожеваны во время ночных его кошмаров. Дядюшка невестинога папы, мой верный друг, куда-то скрылся без следа. И невестина подружка тоже исчезла.

– Сейчас я приготовлю что-нибудь выпить, – сказал я растерянно, все еще возясь с кнопкой вентилятора.

– Я бы выпила чего-нибудь холодного, – произнес знакомый голос. Я повернулся и увидел, что она растянулась на кушетке, а потому и пропала из моего поля зрения. – Сейчас я буду звонить по вашему телефону, – предупредила она меня, – но в таком состоянии я и рта раскрыть не могу. Все пересохло. Даже язык высох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.